

ОТ ВЕЛИКОГО К ИМИТАЦИИ ВЕЛИЧИЯ

Фатенков Алексей Николаевич

доктор философских наук, профессор,

Национальный исследовательский Нижегородский государственный

университет им. Н.И. Лобачевского,

e-mail: fatenkov@fsn.unn.ru

Нижний Новгород

Аннотация

Проводится сравнение ряда существенных черт советской и постсоветской социальности. Величию советизма противопоставляется характерная для постсоветизма имитация величия. Авторская позиция полемически соотносится с позицией А.А. Зиновьева.

Ключевые слова: советское, великое, постсоветское, имитация величия, А.А. Зиновьев.

FROM THE GREAT TO THE IMITATION OF GREATNESS

Fatenkov A.N.

DSc in Philosophy, Professor, Lobachevsky State University

of Nizhny Novgorod

Abstract

The comparison of a number of Soviet and post-Soviet reality's essential traits is being made. The greatness of Sovietism is opposed to the imitation of greatness characteristic of post-Sovietism. The author's position is correlated polemically with the position of A.A. Zinoviev.

Keywords: the Soviet, the great, the post-Soviet, imitation of greatness, A.A. Zinoviev.

При всем неоднозначном, надо признать, отношении к философии и социологии А.А. Зиновьева в них присутствуют сюжетные линии и развороты, которые вызывают солидарный отклик. Правда, скорее в аспекте постановки проблемы, а не в аспекте ее решения; в плане общей тональности, но не в плане отдельных значимых полутонов.

Прежде всего определенную симпатию вызывает его концепция постсоветизма. Рассматривая переход от одного типа социальной организации к другой, от того, что постепенно складывался после

Октябрьской революции 1917 года и просуществовал в Советском Союзе в течение семидесяти лет, к тому, что пришел ему на смену, Зиновьев (здесь и далее в тексте принимается во внимание его итоговый труд «Фактор понимания» [1]) оценил случившийся переход, по сути, как цивилизационную катастрофу. Не успев развиться в полной мере, перспективный советизм («реальный коммунизм», в синонимичном ряду Зиновьева) был искусственно, против логики истории и в обход национальных традиций, заменен априори бесперспективным, гибридным по своей структуре постсоветизмом. В целом с такой оценкой можно согласиться. Однако многие важные детали требуют прояснения и, думается, некоторой переоценки.

Сосредоточимся на характеристике советизма (советского социализма), на выделении некоторых его сущностных черт (частично пересекающихся с зиновьевскими) и на сравнении их с соответствующими позициями в структуре постсоветизма.

Пункт первый. Отсутствие в советском обществе эксплуатации, основанной на частной собственности. Эксплуатация со стороны государства имела место, но ощущалась не постоянно, а от случая к случаю (констатация из личного опыта). Надо заметить, что феномен эксплуатации из тех, в идентификации коих весомую роль играет не только мышление, но и чувственно-эмоциональная сторона человеческой психики. Ценностно положительный феномен, скажем свободы, вовсе отсутствует, если нет его ощущения, при этом порог восприятия человеком положительно значимого для него достаточно высок. Порог восприятия негативного при прочих равных условиях много ниже. Однако, как ни парадоксально, ценностно отрицательный феномен, скажем рабство, может наличествовать и без фиксации его в ощущении, на что имеются причины и личностного, и социального порядка. В социальном плане все зависит от традиций и от того, как работает пропаганда: насколько удастся ей приподнять планку восприятия негативного. В постсоветском обществе частнособственническая эксплуатация налицо. Отсюда и закономерное нарастание эксплуатации (чрезмерного принуждения) индивида государством, защищающим институт частной собственности.

Выстраивая оборону от нападков сегодняшних апологетов частной собственности, сошлюсь на содержательное наблюдение В.В. Розанова. Консерватор, кстати. Правда, не нынешнего пошиба, «умеренного и аккуратного» с холопским душком. А того, что со стихийно-натуралистическими мотивами. И родом автор «Уединенного», вот

любопытное совпадение, как и Зиновьев, с Ветлуги. Да и по характеру ума – тонкого и глубокого, на грани, а порой и за гранью цинизма – они схожи. Итак, цитата: «В России вся собственность выросла из “выпросил”, или “подарил”, или кого-нибудь “обобрал”. Труды собственности очень мало. И от этого она не крепка и не уважается» [2, с. 216]. Постсоветский период истории есть просто-напросто иллюстрация-шарж к розановской ремарке.

Пункт второй. Советизм – стратегия преодоления культа: и как такового, и его частных проявлений. И денежного: далеко не все, к счастью, вписывается в формат купли-продажи; тогда, не сейчас, это ощущалось безошибочно. И религиозного: регулярное схождение «благодатного огня» неотлично от законосообразного физико-химического акта; вот если бы хоть раз «не сошел»... И культа личности. Да, и его. Знаю, что среди тех, кто не принял капиталистическую реставрацию, немало сталинистов (включая «позднего» Зиновьева). К ним в первую очередь и обращаюсь. Уверен, развенчание культа личности не случайность и не оплошность, а закономерность в развитии советского общества. Вождизм сделал свое историческое дело – и с ним надо заканчивать. Иначе получим – в перспективе постсоветизма легко – помесь Сталина и Рокфеллера в орнаменте «традиционных ценностей». Отказ от культа оберегает личность от фетишизации всех или какой-то ее ипостаси.

Постсоветизм реанимирует культ. Реанимирует инновационно-убого. Вместо культа личности – культ имиджа, персональной торговой марки. Вместо подлинной заботы о себе – селфимания. В сочетании с телетрансляциями церковных богослужений и навязчивой рекламой кредитования. Планируемая замена монет и бумажных купюр электронными деньгами приведет к появлению финансовой трансцендентности, практически неотличимой от трансцендентности религиозной.

Наконец, пункт третий. Им, разумеется, не исчерпывается перечень существенных черт советизма, однако уже и трех высвеченных в первом приближении достаточно для аргументированного утверждения о величии советского строя. Пространственное совершенство и территориальная полнота физически и метафизически (не в смысле антидиалектики, а в смысле глубинной онтологии) отличали Советский Союз. Не было нужды в других, чужих землях; страна органично вписалась в свои естественные границы. Геополитический фактор находился в подчинении социально-культурных задач. Земное пространство не ради него самого, а ради наполняющего его содержания,

ради развития новой социальной – советской – общности. Пафос пространства как такового звал ввысь. Символично, что мы опередили американцев с полетом человека в космос, но проиграли гонку с высадкой человека на Луну. За пределами Земли нас интересовало именно пространство, а не дополнительные территории.

Советский проект – проект пространственный, не временной. Начав с исторически необходимого, но метафизически чуждого «догнать и перегнать», СССР завершил свои дни болотистым «застоем». Пора, однако, понять: застой – лишь одна, и действительно малопривлекательная сторона метафизически мощного, окончательно не теряющего под собой твердой почвы, состояния. Имя ему – *неспешность*. Перестроечное «ускорение», что неудивительно, оказалось фатальным для неспешащих.

Постсоветизм ликвидирует застой и ускоряет ускорение до суеты. Пространство, теряя в качестве социально-культурного наполнения, становится предметом бестолковых геополитических игр. Постсоветские государства не в состоянии предложить соседям ничего, что укрепило бы человеческое достоинство или хотя бы устранило вопиющую социальную несправедливость. Амбициозное трепыхание циничных элит вперемешку с тупым деланием денег. О каком-то величии говорить тут смешно.

Величие неторопливо. Оно проступает в той неспешности, за плечами которой опыт переживания трагического, не скрадывающий, однако, ясного видения горизонта и, несмотря на осознаваемую смертность, не отменяющий уверенности человека в завтрашнем дне. Трагично и само великое, здесь не надо строить иллюзий (в том числе и касательно советского периода истории), оно не обходится без неоправданных жертв. При имитации величия все гораздо хуже: ни одна жертва не подпадает под оправдание; имитация оправдания жертвенности оборачивается трагифарсом.

Величие советского проекта – в стремлении сплотить на основе секулярной культуры территориально соседствующие исторически соприкасающиеся этносы в социальную общность, свободную от эксплуатации человека человеком. Что-то получилось, что-то нет. Но и свершенное – убедительно!

Неспешность, свойственная всему великому, без существенных потерь не сопрягается с эффективностью. Та всегда в спешке, в минимизации временной компоненты в знаменателе ресурсных трат. И ориентирована на успешность, не более. Величественность ей не по плечу.

Эффективность подчеркнута буржуазна по своей критериальной сути; оценка ею реалий социализма означает их проигрышную подгонку под стандарты конкурирующей системы (подробнее см.: [3]). Советское общество никак не могло быть эффективнее западного – тут мы кардинально расходимся с Зиновьевым – у социализма иная оценочная шкала. Она не аннулирует координату эффективности, однако лишает ее приоритета. Основания для перестановки весомы: капитализм и нацелен на подмену неустранимо и конкретно содержательной справедливости – эффективностью, принципиально индифферентной к содержанию оцениваемого предмета. Одинаково эффективными и успешными могут быть врач-реаниматолог и киллер, церковнослужитель и биржевой маклер. Для социализма эффективность есть соблазн. Она интуитивно-романтически отторгалась советским «реальным коммунизмом» – и вместе с тем он был завистливо-прагматически пленен ею (см.: [3, с. 141]).

Очерченное противоречие входило в комплекс базовых неантагонистических противоречий, контекстуальное, частичное разрешение которых способствовало развитию советского общества. Намерение и попытка радикального (однозначного и бесповоротного) их разрешения обрекали социализм на деструкцию. Торопливых великое покидает. Потенциально продуктивные противоречия рассыпаются. Такова глубинная причина поражения советского строя и пришествия постсоветизма. Причины, указанные Зиновьевым, – предательство политический элиты внутри страны и тотальное давление извне, со стороны Запада – вторичны, не фатальны сами по себе.

Что представляет собой социальная матрица постсоветизма? По Зиновьеву, и вот здесь во многом с ним можно согласиться, постсоветская Россия являет собой гибрид трех ингредиентов: обломков советизма (вождизм, привилегированное положение силовых структур, отдельные элементы быта и артефакты культуры), черт западнизма (имитационные формы рынка и демократии) и феноменов-призраков дореволюционного прошлого (религиозные и монархические веяния). Зиновьевская оценка ситуации негативна, прогноз – на десятилетия вперед – пессимистичен. Страна «отброшена с вершин эволюционного прогресса на уровень страны третьейстепенной важности, обреченной плестись в хвосте торжествующего глобального западнизма... Никаких шансов стать лидером мировых сил, противостоящих западнистской глобализации, и даже вырваться из тенет этой глобализации в обозримом будущем у нее нет» [1, с. 430].

По прошествии полутора десятка лет после публикации «Фактора понимания» ничего принципиально не поменялось. Сырьевой прида-ток, примеряющий на себя роль углеводородного шантажиста, оста-ется сырьевым придатком. Геополитические игры, построенные на ам-бициях и блефе, окутывают *VIP*-персон и статистов облаком мнимого величия. Имитация и показуха при поддержке новых технологий все глубже проникают в структуру общественной жизни.

Несомненно, и в советское время, как справедливо отмечал Зиновьев, имитационно-показушная компонента социальной практики была немалой, но все-таки скорее поверхностной, отчего, по-види-мому, и допускалась ее беспощадная критика культурой и даже офи-циальной идеологией. Постсоветизм насытил поддельными формами корневые пласты социальной организации общества (см.: [1, с. 429]).

В трактовке Зиновьева, имитация имеет место тогда, когда по за-мыслу одних людей объекты-имитанты воспринимаются другими людьми как объекты-подлинники. Целесообразно держать в уме и ее продвинутую вариацию, когда имитанты воспринимаются подлинни-ками и теми индивидами, кто инициировал процедуру подмены.

От великого советского к имитации величия постсоветского. Та-кова социальная траектория страны в ее новейшей истории.

Литература

1. *Зиновьев А.А.* Фактор понимания / А.А. Зиновьев. – М.: Алго-ритм; Эксмо, 2006. – 528 с.
2. *Розанов В.В.* Уединенное / В.В. Розанов. – М.: Правда, 1990. – 720 с.
3. *Фатенков А.Н.* Эффективность как ложный ориентир развития общества? / А.Н. Фатенков // Социологические исследования. – 2018. – № 7 (411). – С. 135–145.